

Эльмира Шабурова

ПЕЧАТЬ НА ПЕТАЛЕ

Эльмира Шабурова

Печать на пепле

<https://litres.ru/74312269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир рушится — словно в пророчествах Откровения Иоанна Богослова, на Землю спускается Апокалипсис. Тьма берёт верх: улицы заполняют жуткие существа, напоминающие чертей, — сперва искалеченные люди, а затем всё более чудовищные биомеханические создания, собранные из страданий погибших. В сердце этого кошмара встречаются двое: Валерия и Варлаам.

У них есть нечто особенное — отметины высшей воли, делающие их мишенью для слуг Сатаны и последней надеждой для человечества. На теле Валерии — символ колоса: знак жатвы и принятия неизбежности смерти ради новой жизни. Варлаам носит знак сломанного меча — эмблему милосердия, отказа от слепого насилия.

Валерия комплексует из-за своего высокого роста и недюжинной силы, ощущая себя неуклюжей и неуместной. Варлаам, такой же рослый, рыжий и конопатый, тоже годами прятал свою суть от мира, считая свои особенности недостатками. Но именно их различия и внутренние битвы с самими собой помогают им стать опорой для других.

Содержание

Глава 1. Синдром колосса	4
Глава 2. Рыжий призрак	17
Глава 3. Визит вежливости	30
Глава 4. Метка Завета	43
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Эльмира Шабурова

Печать на пепле

Глава 1. Синдром колосса

Валерия ненавидела своё тело с той же холодной, привычной яростью, с какой другие люди ненавидят плохую погоду или давку в метро. Это была не вспышка гнева, а хроническое заболевание души, въевшееся в позвоночник.

Она шла по вымершей улице Остоженки, намеренно прижимаясь к фасадам домов, где густая тень могла хоть немного скрыть её габариты. Ветер трепал полы длинного пыльного плаща — бесформенной хламиды цвета мокрого асфальта, которую она носила даже сейчас, когда воздух раскалился от запаха серы и жжёного сахара. Этот балахон был её броней. Без него мир видел слишком широкие плечи, слишком мощные икры, слишком длинные руки. В детстве дворовые мальчишки кричали ей вслед «Жердь!», в юности охранники на входе в клубы окидывали брезгливым взглядом: «Девушка, вам в мужской фитнес-зал».

Чтобы выжить среди людей, Валерия научилась исчезать

физически. Она сутулилась так сильно, что грудная клетка почти касалась таза. Говорила низким, прокурренным голосом грузчика. Двигалась нарочито неуклюже, словно каждый шаг причинял ей боль, хотя на самом деле её мышцы хранили потенциал сжатой пружины. Сила, которая должна была делать её королевой, стала проклятием. Ей хотелось быть фарфоровой статуэткой, чем-то хрупким, чтобы иметь право на мужскую заботу. Но природа вылепила из неё атланта, которому забыли сказать, что он может опустить небо.

До Апокалипсиса это решалось просто. Подделанные документы на имя Виктора. Перчатки, скрывающие мозоли размером с пятирублевые монеты. Работа там, где ценили только КПД мышц, а не размер талии. Никто не удивлялся, когда «Виктор» один кантовал рояль или таскал мешки с цементом по четырнадцать часов. Там ее уродство было валютой.

Сегодня валюта обесценилась.

Небо над Москвой стало цвета старой меди — тяжелого, тусклого металла, который не отражал свет, а впитывал его. Звёзды начали осыпаться вниз не падающими искрами, а острыми, как бритва, осколками черного стекла. Они со звоном врезались в брусчатку, оставляя дымящиеся воронки. Воздух стал густым, дышать приходилось через силу, про-

талкивая кислород сквозь невидимую стену пепла.

«Седьмая печать сорвана», — мысль пришла сама собой, чужим, но абсолютно спокойным голосом внутри головы.

Скрежет разорвал ватную тишину. За углом, визжа стирающейся резиной, перевернулся рейсовый автобус. Он лег на бок, как огромное раненое животное, обнажив блестящее металлическое брюхо. Стекло посыпалось дождем. Внутри, за перекошенными окнами, метались тени. Люди кричали, их голоса были похожи на визг пенопласта по стеклу.

Валерия замерла. Инстинкт требовал бежать. Прятаться. Втянуть голову глубже в воротник и стать невидимой. Но крик ребенка, прижатого смятой дверью, ударил под дых. Что-то щелкнуло в основании черепа, переключая тумблер реальности.

Она не думала. Тело сделало всё само.

Подбежав к накрененному борту, она уперлась плечом в холодный металл. Мышцы спины вздулись каменной дугой. Раздался треск — то ли рвущейся ткани плаща, то ли сухожилий. Автобус приподнялся. Всего на десять сантиметров. На долю секунды. Ровно настолько, чтобы женщина с ребенком смогла выползти наружу, оставляя на асфальте крова-

вый след.

— Спасибо, друг! — прохрипел спасенный мужчина, пробегая мимо и хлопнув её по спине.

Хлопок отозвался болью. Слово «друг» прозвучало как насмешка. Друг — это равный. А она всегда была функцией.

Валерия отступила в переулок, прячась за клубами жирного дыма от горящего «Мерседеса». Она тяжело оперлась рукой о кирпичную стену. Кирпич крошился под пальцами. Руки дрожали мелкой, постыдной дрожью. Мозоли на ладонях саднили, будто она голыми руками раздирала асфальт. Впервые в жизни она использовала свою мощь открыто, не пряча лицо. И самое страшное — вместо стыда пришло глупое, тяжелое удовлетворение. Ощущение правильности.

В этот момент шею обожгло.

Не огнем. Теплом. Живым, пульсирующим жаром, идущим изнутри плоти. Под воротником балахона, прямо на сонной артерии, запульсировал знак. Валерия судорожно дернула ткань. На коже, переливаясь перламутром, проступил золотой колос. Зерна набухали, стебель извивался, впиваясь в кожу тонкими корнями света. Боли не было, лишь фантомное ощущение жатвы — словно кто-то собирает урожай прямо из её костей.

Из темноты подвала напротив донеслось влажное чавканье.

Они вышли. Первые «черти» еще сохраняли подобие человеческой анатомии, но выглядели так, будто их собрали пьяные хирурги из запчастей разных механизмов. Кожа свисала лохмотьями, обнажая титановые суставы. Один из них повернул голову на сто восемьдесят градусов. Его глаза были двумя провалами антрацита, всасывающими остатки дневного света.

Они заметили её.

Паника ледяной волной поднялась от желудка к горлу. Старый страх вернулся — липкий, парализующий. Я снова монстр. Я ошибка.

— Уходите, — прошептала она в пустоту, делая шаг назад. Голос предательски дрогнул, сорвавшись на фальцет.

Твари синхронно кланули челюстями. Звук напоминал перезарядку затвора. Первый бросился вперед. Его движения были быстрее любого спринтера — смазанная черная полоса.

Валерия отпрыгнула чисто на рефлексх, впечатываясь

спиной в мусорный бак. Бак сплюснулся, издав жалобный звон. Второй схватил её за предплечье. Пальцы существа были холодными, покрытыми вязкой слизью, пахнувшей формалином и озоном. Она рванулась, чувствуя, как кожа трещит под механическим захватом. Третий зашел сзади, занося конечность, похожую на циркулярную пилу.

Мысли оборвались. Страх затопил сознание. Её сила, которой она только что гордилась, вдруг показалась ничтожной перед этим биомеханическим ужасом. Она была просто большой мишенью.

Слишком высокая. Слишком сильная. Слишком неправильная.

И тут тепло сменилось настоящим жаром.

Чья-то ладонь опустилась на её плечо сверху. Ладонь была огромной, шершавой, состоящей из сплошных углов и мозолей, но давление было бережным. Оно не придавливало к земле, а наоборот — выпрямляло.

— Не бойся, — голос прогудел рядом, низкий и глубокий, вибрирующий в грудной клетке. — Ты не одна.

Валерия резко обернулась, сбрасывая руку нападающего.

Он возвышался над ней. Даже её исполинский рост ка-

зался скромным на фоне этой рыжей громады. Конопатый. Медноволосый. Мешковатая куртка едва не лопалась на широченной спине. Он стоял, расправив плечи, полностью занимая проем переулка, и смотрел на «чертей» без малейшего намека на ужас. На его правом запястье, поверх жгута вен, пылал выжженный символ — сломанный пополам гладиус.

Варлаам.

Она видела его пару раз в подземных переходах — онечно сидел в самых тёмных углах, пытаясь слиться со стеной.

— Отступайте, — его голос изменился. Теперь в нём звучал металл. Варлаам выставил вперед руку со знаком. — Вы не имеете власти над сосудами Завета.

«Черти» замерли. Их механические части издали звук трущихся шестеренок. Золотой колос на шее Валерии вспыхнул так ярко, что на мгновение ослепил её саму. Боль ушла. Осталась только чистая энергия, текущая по венам расплавленным золотом.

— Давай, — Варлаам протянул ей правую руку. Левую он держал чуть согнутой, готовый принять удар. — Вместе.

Она колебалась секунду. Вся жизнь прикосновения приносили либо боль (от ударов), либо неловкость (от попыток

отстраниться). Сейчас же эта гигантская рука казалась единственным островком стабильности в рушащемся мире.

Валерия вложила свою ладонь в его.

Контакт обжег. Шершавость его кожи терлась о её мозоли, создавая трение двух миров. Его пальцы сомкнулись вокруг её кисти, фиксируя намертво. Впервые за тридцать лет кто-то принял её хватку, не поморщившись. Кто-то увидел в её широкой ладони не угрозу, а щит.

— Вместе, — эхом повторила она.

Их знаки соприкоснулись в воздухе между ними. Золото встретило серебро. Вспышка не была яркой, как фото-вспышка; она была глубокой, ультрафиолетовой, исходящей из самих пор. Свет не освещал улицу — он вытеснял тьму. Биомеханические чудовища зашипели, как вода на раскаленной сковороде. Из трещин в их телах повалил густой белый дым. Металлические пластины начали плавиться и отслаиваться вместе с гниющей плотью.

— Оно их растворяет, — выдохнула Валерия, сжимая руку Варлаама крепче. Она боялась, что если отпустит, магия рухнет, и останется только её слабое, испуганное тело.

— Держи канал, — процедил он сквозь зубы. По его вис-

кам градом катился пот. — Не отпускай связь.

Они стояли посреди ада, сцепившись руками, пока свет их символов вымораживал скверну обратно в бездну. Когда последний «чёрт» рассыпался горсткой дурно пахнущего праха, сияние медленно втянулось обратно под кожу.

Наступила оглушительная тишина, прерываемая лишь треском далеких пожаров.

Валерея посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали.

— Получилось, — прошептала она, глядя на Варлаама снизу вверх. Солнце давно погасло, но его рыжие волосы всё равно полыхали в полумраке.

— На время, — поправил он, осторожно разжимая пальцы. Ему явно тоже не хотелось разрывать контакт, но этикет требовал личного пространства. Он лишь задержал свою ладонь на её плече на лишнюю секунду, прежде чем убрать совсем. — Они адаптируются. В следующий раз броня будет толще.

Убежище они нашли случайно — старая дверь трансформаторной будки во дворе школы вела в глубокое советское бомбоубежище. Внутри пахло хлоркой, сыростью и человеческим потом. Полтора десятка выживших — бледных, пе-

ремазанных сажей теней — сгрудились вокруг единственной керосиновой лампы.

При виде вошедших гигантов люди инстинктивно вжались в стены. Женщина тихо ойкнула. Ребенок спрятался за спину отца.

Но затем взгляды беженцев скользнули ниже. На шеи. На запястья.

— Избранные, — просипел старик в офицерской шинели, надетой на голое тело. Его губы тряслись, но глаза смотрели ясно. — На вас Печать Высшей воли.

Валерия машинально запахнула балахон, готовая привычно съежиться под пристальными взглядами.

— Мы просто... оказались рядом, — начала она оправдываться, но Варлаам мягко перебил её, положив тяжелую длань на её напряженное плечо. Жест собственника. Жест защитника.

— Мы поможем, — отрезал он. Его рыжая борода топорщилась, делая его похожим на рассерженного домового. — Но сначала нужно понять правила игры.

Пока Варлаам распределял остатки воды и сухарей, рассказывая людям о том, как небеса кровоточат, Валерия отошла в дальний угол, к трубам отопления. Холод бетона успо-

каивал горящую кожу.

— Почему мы? — спросила она темноту. — Колосья? Сломанный меч? Это похоже на плохой артахус.

Варлаам подошел неслышно, несмотря на свой вес. Он встал рядом, прислонившись плечом к стене. Труба отопления нагревала его спину, и теперь от него пахло не только гарью, но и сухим теплом.

— Не знаю, — честно ответил он. Он смотрел не на неё, а на свои руки, поворачивая запястье, разглядывая символ. — Но мой отец бил меня ремнем за каждую разбитую чашку. Говорил, что я неуклюжий медведь. А теперь этот «медведь» держит небо. Может, Бог любит именно таких... бракованных?

Валерия невольно фыркнула. Смех вышел сдавленным, царапающим горло, но искренним.

— Бракованные, — повторила она, касаясь своего горла. — Колосья — это жатва. Принятие того, что старый мир должен умереть, чтобы пророс новый. Мне всю жизнь казалось, что я занимаю слишком много места. А оказалось, мне просто не хватало целого мира.

— А мой меч сломан, потому что я никогда не умел падать, — Варлаам коснулся своего знака. — Только защищаться. Милосердие вместо ярости.

Где-то на поверхности, прямо над бетонным сводом убежища, раздался вой. Он не принадлежал ни одному известному животному. Это был звук разрезаемой арматуры и скрежета зубов одновременно. Земля мелко завибрировала.

Люди в убежище затаили дыхание. Лампа опасно качнулась, отбрасывая на лица пляшущие, искаженные тени.

— Они здесь, — прошелестело по рядам.

Варлаам поднялся одним текучим движением. В тесном пространстве подземелья он казался пещерным медведем, вставшим на дыбы. Расправленные плечи закрыли собой половину лампочки.

— Оставайтесь внизу, — его голос прокатился по коридору, подавляя панику. — Закройте двери на засов. Если проврутся сюда — лезьте в вентиляцию. Мы уведем их.

Валерия смотрела на его широкую спину. Страх никуда не делся, он свернулся змеей в животе. Но впервые в жизни он не парализовал. Рядом с этим огромным, нелепым, конопатым мужчиной страх превращался в топливо.

— Я с тобой, — сказала она, подходя и становясь плечом к плечу. Чтобы посмотреть ему в глаза, ей пришлось задрать подбородок.

Его веснушчатое лицо в свете лампы казалось высеченным из камня. Но в глазах плескалась такая отчаянная нежность, что у Валерии перехватило дыхание.

— Тогда молись своему колосу, Лера, — усмехнулся он.
— Похоже, сегодня жатва будет богатой.

Он толкнул железную дверь плечом. Скрип ржавых петель прозвучал как боевой рог. Над Москвой плакало медное небо, но двое изгоев шагнули навстречу ему, высоко подняв головы. Прямая спина Валерии больше не была защитной реакцией. Это была боевая стойка.

Глава 2. Рыжий призрак

Варлаам ненавидел зеркала, но этот осколок в подсобке морга притягивал взгляд с мазохистской неизбежностью. Стекло было старым, пошло мутными пятнами от сырости, искажая пропорции.

Оттуда на него смотрел чужак.

Два метра уродливой, нескладной плоти. Плечи такие широкие, что он вечно задевал ими дверные косяки, оставляя лоскуты ткани курток на ржавых петлях. Грива рыжих волос — не благородного медного оттенка, а цвета выцветшей моркови, торчащих во все стороны сухим костром. И лицо. Господи, его лицо... Веснушки покрывали кожу так густо, что сливались в единое бурое пятно, из которого нелепо торчал нос картошкой и бледно-голубые глаза. В школе ему кричали вслед «Ржавый» и «Солнечный ожог». Отец был лаконичнее: «Ты ошибка природы, Варлам. Тебя собрали из запчастей пугала».

Он научился жить как тень. Двигаться по стеночке, говорить вполголоса, чтобы басовые вибрации собственного голоса не сотрясали оконные стекла. Он стал мастером отрицательного пространства — человеком, присутствие которого замечаешь только тогда, когда он уходит, оставляя за со-

бой облегчение.

Работа ночным сторожем в городском морге была вершиной этой стратегии невидимости. Днем здесь царила суета санитаров и лязг стальных столов. Ночью же оставались только он, гул холодильных установок и мертвецы. Мертвые были идеальными собеседниками. Им было абсолютно плевать на то, сколько веснушек у тебя на переносице и насколько огромны твои ладони.

До сегодняшнего утра.

Небо над Москвой натянулось куполом из черненой меди. Оно давило на макушку физически, заставляя сутулиться еще сильнее. Воздух загустел, пахло сероводородом и дешевой карамелью — запахом горящего пластика. Варлаам стоял у забранного решеткой окна, глядя, как звезды осыпаются вниз. Они падали беззвучно, превращаясь в черный стеклянный песок, хрустящий под ногами воображаемых прохожих.

На запястье пульсировал знак. Сломанный гладиус, выжженный прямо до кости. Края раны всё еще сочились прозрачной лимфой, смешанной со светом.

«Седьмая печать», — подумал он, и мысль показалась чужой, вложенной кем-то между полушариями мозга.

Скрежет раздался снизу, из приемного покоя. Это не был

звук металла о металл. Так визжит живая кость, когда ее пытаются провернуть в суставе против часовой стрелки.

— Господи... — выдохнул Варлаам, инстинктивно втягивая голову.

Они поднимались по лестнице.

Первые «черти» напоминали людей, попавших под промышленный пресс. Но чем выше они поднимались, тем меньше человеческого в них оставалось. Их конечности двигались на шарнирах, которые скрипели и брызгали черной смазкой. Из трещин в коже, покрытой сеткой лопнувших капилляров, торчали оптоволокно и тусклые диоды. Один поднял голову. Вместо глаз зияли провалы антрацита, внутри которых медленно вращались шестеренки размером с монету.

Паника ударила кастетом под дых. Вся жизнь промелькнула перед глазами вспышками стыда: отец, замахивающийся ремнем; одноклассники, привязывающие консервную банку к его рюкзаку; начальник смены, cedящий сквозь зубы «Осторожнее, медведь, аппаратуру не побей». Его сила всегда была проблемой. Его габариты — ошибкой дизайна.

Я слишком большой. Я занимаю слишком много места. Я мешаюсь.

Ноги приросли к кафелю. Он зажмурился, ожидая удара когтистой лапы, которая разорвет его пополам так же легко,

как он рвет картонные коробки.

И тут тяжесть исчезла.

Чья-то ладонь легла на его плечо сверху. Чтобы положить руку ему на плечо, человеку нужно было встать почти на носки. Ладонь была широкой, жесткой от мозолей, но давление было успокаивающим, заземляющим.

— Не бойся, — голос прозвучал низко, вибрируя где-то в районе седьмого позвонка Варлаама. — Ты не один.

Он открыл глаза.

Она заполняла собой весь коридор. Валерия. Выше его на полголовы, хотя сам Варлаам привык смотреть на всех остальных сверху вниз. Ее плечи едва помещались в проем двери. Массивные руки бугрились мышцами, обычно скрытыми под бесформенными балахонами. Она стояла, расправив спину, и её профиль в мертвенном свете аварийных ламп казался высеченным из песчаника.

На её шее, там, где ключицы сходятся в ямку, светился золотой колос.

— Отступайте, — сказал Варлаам.

Удивительно, но его голос больше не дрожал. Бас заполнил пространство морга, выдавливая страх обратно в глотку. Он выставил вперед правую руку. Знак сломанного меча на

запастье вспыхнул холодным серебром.

Твари замерли. Их оптические сенсоры (или что это было) защелкали, фокусируясь на символе. Механические части их тел дернулись в судороге, словно программа дала сбой при виде запрещенного кода.

— Давай, — пальцы Валерии нашли его ладонь.

Её рука была пугающе сильной. Варлаам привык, что женщины либо отстраняются от его габаритов, либо смотрят с животным ужасом. Её хватка была уверенной, профессиональной. Как захват борца перед броском. Она сжимала его пальцы так, будто боялась, что сквозняк разнесет их в разные стороны.

— Вместе, — прохрипел он, вкладывая всю свою массу в это слово.

Их знаки соприкоснулись в воздухе над сцепленными руками. Золото встретило серебро. Вспышка не осветила помещение — она вычистила его. Свет исходил изнутри кожи, пробиваясь сквозь поры. «Черти» зашипели паром. Провода в их конечностях начали плавиться, изоляция капала на линолеум дымящимися ошметками.

— Оно жжет их! — выдохнула Валерия. По её виску текла капля пота, прокладывая дорожку через слой городской

пыли. — Держи!

— Не отпущу, — пообещал Варлаам.

Для человека, который всю жизнь извинялся за свое существование, держать кого-то стало актом высшей смелости. Он чувствовал каждую мозоль на её ладони, каждый напряженный мускул предплечья. Они стояли посреди разрушенного вестибюля, два великана, излучающие тихий, яростный свет, пока биомеханическая мерзость рассыпалась в труху у их ног.

Когда последний скрежет затих в темноте улицы, сияние начало угасать, впитываясь обратно под кожу.

В ушах звенело.

— Получилось, — прошептала Валерия, тяжело привалившись к нему плечом. Она даже не заметила, что использует его как подпорку. Для неё он перестал быть огромным рыжим чудищем. Он стал стеной.

— На время, — Варлаам осторожно положил ладонь ей на лопатки, чувствуя под тканью плаща горячую, влажную спину. — Они учатся. Быстро.

Бомбоубежище под школой встретило их духотой. Запах хлорки и нестиранных портянок бил в нос. Пятнадцать выживших — продавщицы, студенты, охранник супермаркета

— смотрели на вошедших гигантов, как на божеств с Олимпа. Кто-то икнул от страха, кто-то начал мелко креститься.

— Вы избранные, — просипел старик в сползшем набок парике, протискиваясь вперед. Его трясло, но глаза блестели лихорадочным безумием фанатика. — Метки Завета...

Валерия рефлекторно попыталась спрятать шею, втянуть голову. Старая привычка умирала мучительно.

— Мы просто оказались рядом, — начала мямлить она, становясь похожей на ту самую неуклюжую девочку-подростка.

Варлаам сделал шаг вбок, заслоня её своим телом от взглядов толпы. Затем мягко, но настойчиво опустил тяжелую руку ей на плечо, чуть разворачивая к себе.

— Мы разберемся, — отрезал он, обращаясь сразу ко всем. — Мы выведем вас отсюда. Но сначала нам нужны ответы.

Старик закивал так энергично, что его подбородки затряслись желе. Пока Варлаам распределял бутылки с теплой водой и плесневелый хлеб, он рассказывал. О трубном гласе, который слышали собаки. О том, как вода в кранах стала соленой, как слезы.

Валерия сидела на перевернутом ящике, обхватив колени.

Впервые в жизни она выглядела компактной. Варлаам поймал себя на мысли, что хочет укрыть её своим пиджаком, хотя самому было зябко.

Позже, когда люди забылись тяжелым сном на грязных матрасах, они отошли к вентиляционной шахте. Единственный луч света от упавшего фонарика чертил пыльные узоры в воздухе.

— Почему мы? — спросил Варлаам, разглядывая свой знак. Меч был расколот ровно посередине рукояти. Символ импотенции. Символ поражения.

— Колосья — жатва, — тихо отозвалась Валерия. Она сидела, подтянув ноги к груди, и впервые не пыталась казаться меньше. — Принятие того, что мир должен умереть, чтобы дать семена.

— А мой клинок... — Варлаам провел пальцем по зазубренному лезвию знака. — Милосердие?

— Отказ убивать ради убийства, — кивнула она. — Ты ведь мог размазать тех тварей голыми руками. Но ты остановил их светом.

Варлаам посмотрел на свои огромные ладони. Всю жизнь он прятал их в карманы, боясь случайно раздавить чью-то кисть при рукопожатии.

— Мой отец говорил, что единственное, на что годятся мои грабли — это грести навоз, — глухо произнес он.

— Мой отчим советовал мне идти в грузчицы и никогда не рожать, чтобы не плодить чудовищ, — ровно ответила Валерия.

Они посмотрели друг на друга. В полутьме конопушки Варлаама казались картой далеких созвездий. Угловатость Валерии — идеальным балансом архитектуры.

Где-то наверху завывала сирена. Вернее, нечто, имитирующее вой сирены, пропущенное через мясорубку.

Люди в убежище проснулись мгновенно. Началась тихая истерика.

— Оставайтесь внизу, — Варлаам поднялся одним движением. В тесном бетонном боксе его фигура казалась подавляющей. Монументальной. — Закройте гермодверь. Если прорвутся — лезьте в кабельные каналы. Мы уведем погоню.

Валерия встала рядом. Теперь она не сутулилась. Совсем. Она возвышалась спокойной башней.

— Погнали, Рыжий, — бросила она, поправляя воротник.

Подъем по лестнице занял секунды. Выход вел в школьный двор.

То, что выползало из-за трансформаторной будки, уже нельзя было назвать «чертями».

Это была Голгофа страданий. Биомассовый конструкт.

Десятки искалеченных тел сплелись в единый механизм, скрепленный титановыми скобами и пульсирующими венами. У существа было шесть многосуставчатых ног и одна клешня, состоящая из переплетения полицейских щитов и человеческой бедренной кости. Глаз-воронок было десятки — они сканировали тьму красным лазерным светом.

— Они эволюционируют, — прошептала Валерия. Её колос на шее пульсировал, как второе сердце. — Они становятся умнее.

Действительно, твари окружали здание школы полукольцом, профессионально перекрывая пути отхода для оставшихся внутри гражданских. Никакого хаоса. Только холодный тактический расчет.

— Что будем делать, громила? — голос Валерии дрогнул, но лишь на мгновение.

Варлаам глубоко вдохнул запах озона и гниения. Страх никуда не делся, ледяной удав всё так же сдавливал горло. Но теперь рядом стояло другое чудовище. Такое же неправильное. Такое же сильное.

— У нас есть связь, — ответил он, поворачиваясь к ней. В свете умирающего фонаря его веснушки казались золотыми монетами. — И милосердие. Кажется, этого достаточно.

Он вытянул руку. Серебряный свет вырвался из знака, ри-

суя в воздухе рунические символы боли, которые тут же сворачивались в узлы и гасли.

Валерия положила свою ладонь поверх его. Золотой свет колоса хлынул потоком расплавленного меда, сплетаясь с серебром.

— Мы принимаем эту грязь, — сказала она громко, глядя в центральный глаз конструкта. — Но мы не дадим ей сожрать остатки света.

Световой купол накрыл их.

Биомеханический левиафан взревел и ударил клешней. Раздался звон, подобный удару в Царь-колокол. Купол прогнулся, пошел волнами, но выдержал. Энергия отдачей швырнула волну пепла обратно в морду твари. Одна из её конечностей задымилась.

— Работает! — крикнула Валерия. — Но оно адаптируется!

Конструкт содрогнулся. Это было жуткое зрелище мокапа смерти. Существо начало перестраиваться. Лишние конечности втягивались внутрь туловища, органика рвалась с влажным хлопком, обнажая броню. Через десять секунд перед ними стоял танкоподобный монолит, ошестинившийся стволами арматуры.

— Собирают критическую массу, — процедил Варлаам. Пот заливал глаза. Поддержание канала связи сжигало кало-

рии быстрее, чем марафон. — Нужно усилить частоту.

— Любовь, — вдруг четко произнесла Валерия. Её глаза были закрыты, лицо запрокинуто к небу цвета меди. — Надежда. Вера в то, что эти люди внутри стоят спасения.

Она вспомнила мать, которая вязала ей уродливые, но теплые свитера, пытаясь скрыть «мужскую» фигуру дочери. Вспомнила первую зарплату, которую она получила честно, назвав свое настоящее имя.

Варлаам сжал её пальцы до хруста. Он вспомнил кота, которого подобрал в ливень и прятал в шкафчике раздевалки морга. Вспомнил редкую улыбку отца, когда тот был трезв и показал мальчику, как правильно точить нож.

Их знаки вспыхнули сверхновой. Золото и серебро слились в слепящую белизну. Луч чистой геометрии ударил из точки соприкосновения их ладоней прямо в центр конструкта.

Левиафан попытался перестроиться снова, но структура начала распадаться. Органика отделялась от металла. Шестеренки выпадали из суставов вместе с кусками гнилого мяса. Чудовище разваливалось на куски, издавая предсмертный электронный визг. Спустя секунду на асфальте осталась лишь гора черного праха и лужа кипящей смолы.

Тишина обрушилась оглушительным водопадом.

Варлаам пошатнулся. Колени подогнулись. Валерия успела подставить плечо, приняв на себя большую часть его веса.

— Прости, — выдохнул он. — Перегруз системы.

— Сто тридцать килограмм чистого идиотизма, — фыркнула она, но поддерживала крепко. — Надо тренировать выносливость, Рыжий.

Он хотел возмутиться, но вместо этого рассмеялся. Тихо, утробно, впервые за долгие годы не стесняясь звука своего голоса.

— Пойдем, Призрак, — сказала она, увлекая его к двери подвала. — Нужно рассказать остальным, что Апокалипсис можно бить по лицу.

Спускаясь в сырую темноту бомбоубежища, Варлаам смотрел на свою руку, лежащую на плече Валерии. Огромная, веснушчатая, покрытая шрамами. Раньше он бы отсел подальше, чтобы никого не смущать. Сейчас он позволил пальцам чуть сжать плотную ткань её плаща.

Его отражение в луже крови на полу больше не казалось ему ошибкой сборки. Оно казалось проектом, чертежи которого наконец-то нашлись.

Глава 3. Визит вежливости

Воздух в бомбоубежище давно перестал быть газом — он превратился в густую, осязаемую взвесь из паники и углекислого газа. Он пах прелыми носками, дешёвым антисептиком и тем специфическим запахом мокрой шерсти, который бывает только у перепуганных толп. Валерия сидела на корточках, привалившись спиной к ледяному бетону фундамента. Она пыталась дышать медленно, «квадратом», как учили когда-то на курсах самообороны, которые она бросила именно потому, что инструктор смотрел на её бицепсы с плохо скрываемым ужасом.

Её пальцы машинально теребили край балахона. Старая привычка ткачихи, прядущей нить: скручивать ткань, мять, комкать, чтобы занять руки и не дать им выдать дрожь колен. Рядом, почти вплотную, дышал Варлаам. От него пахло озоном, старым деревом морга и чем-то неуловимо уютным, вроде сушеных яблок. В свете керосиновой лампы его рыжая борода казалась медной проволокой, а веснушки сливались в одну сплошную маску загара. Но глаза... Глаза были старыми. Это была усталость пастыря, которому доверили стадо без пастбища.

— Чувствуешь? — спросил он так тихо, что слова едва пробились сквозь гул чужого дыхания.

Валерия кивнула, не открывая глаз. Давление падало. Не атмосферное — духовное. Воздух стал вязким, сладковато-гнилым, словно кто-то оставил перезревшие фрукты гнить под палящим солнцем прямо за бетонной стеной.

— Они здесь, — прошептала она. — Прямо над нами. Ждут чего-то.

Скрежет раздался сверху. Но это был не звук металла о металл. Так звучит рвущееся сухожилие. Так скрипят суставы при последней стадии артрита.

Люди внизу замерли. Мать перестала качать люльку, сделанную из старого пальто. Старик, читавший потрёпанную Библию при свете огарка, перекрестился мелко-мелко, щепотью ломая воздух.

— Опять они, — выдохнул старик-лектарь, тот самый, что час назад рассказывал им про жатву и милосердие. Его голос сел до сипа. — И ведут себя иначе. Умнее.

Варлаам поднялся одним текучим движением огромного хищника. Для человека, который всю жизнь пытался стать невидимым, сейчас он занимал слишком много места. Слишком громко хрустнули его суставы. Он положил ла-

донь на плечо Валерии. Тяжесть этой ладони давила вниз, но странным образом не придавливала, а прибавала её страх к земле, делая его неподвижным.

— Пойдём посмотрим, — сказал он. — Остальным сидеть ниже травы. Если услышите звон стекла — лезьте в кабельные каналы.

Они поднимались по лестнице молча. Валерия шла впереди, плечом вперёд, используя свой рост как таран для возможного встречного потока. Варлаам шёл следом, прикрывая спину. Их шаги звучали глухо, отсчитывая секунды до неизбежного.

Дверь наружу была приоткрыта ровно на ширину пальца. Сквозь эту щель сочился свет цвета старой меди — густой, токсичный, похожий на расплавленную канифоль.

Валерия толкнула дверь бедром.

Улица встретила их тишиной. Мертвой, звенящей тишиной города, переваривающего сам себя. Небо висело низко, напоминая купол газовой печи.

Перед входом в школу стояла толпа.

На первый взгляд — просто беженцы. Изодранные пуховики, лица в саже, пустые глаза людей, потерявших всё. Кто-то держал арматуру, кто-то — кухонный тесак. Типичная картина мародерства первых дней конца света.

Но зрение Завета работало исправно. Оно снимало человеческую шелуху, обнажая гниль внутри.

Лица этих существ были стянуты кожными карманами к затылкам, превращая черты в жуткие маски черепов. Локти сгибались вперед, колени выворачивались назад, позволяя им передвигаться крабьей походкой. Пальцы заканчивались черными когтями, с которых капала слизь, разъедающая асфальт.

— Страх, — одними губами произнесла Валерия. Колос на её шее начал нагреваться, пульсируя в такт сердцу. — Они питаются адреналином толпы.

— И болью, — добавил Варлаам, разминая шею характерным хрустом. — Остальные видят лишь безумцев. Мы видим серверную базу данных Ада.

Существо-лидер вышло вперед. У него не было оружия. Оно просто открыло рот. Человеческие губы лопнули, расходясь от уха до уха, обнажая три ряда игольчатых зубов, вибрирующих на высокой частоте. Звук впивался прямо в мозг, минуя уши — ультразвуковой резонанс, вызывающий тошноту и первобытный ужас.

— Заметили, — констатировала Валерия. Её плечи сами собой начали ползти вверх, старая сутулость возвращалась рефлекторно, пытаясь спрятать уязвимую шею.

— Значит, будем работать, — Варлаам шагнул вперед, становясь между ней и тварью. — Вместе.

Их ладони встретились со шлепком, прозвучавшим как выстрел в мертвой тишине. Мозоли сошлись с мозолями. Золото колоса и серебро сломанного меча вспыхнули одновременно. Свет ударил из их сцепленных рук, формируя полусферический щит.

Первый удар когтей пришелся точно в центр купола. Раздался звук, с которым раскалывается алмаз. Волна чистой энергии отбросила передних «чертей» на пять метров, впечатав их в припаркованные машины.

Но праздник длился недолго.

Твари перегруппировались. Хаос сменился геометрией. Теперь они двигались синхронно, фланги смыкались, отрезая пути отхода. Кожа на их телах начала трескаться с влажным звуком «ш-ш-шлюп». Из ран полез титан. Органика сплеталась с проводами. На глазах у изумленных защитников рождалась биомеханическая хтонь.

Через минуту перед ними стоял Левиафан — башня из плоти и ржавчины высотой в два этажа, увенчанная десятками черных воронок вместо глаз.

— Это коллективный разум, — прохрипела Валерия. Жар собственного знака становился обжигающим. — Они собра-

ли конструктор из страданий тех, кого убили раньше.

— И люди... — Варлаам сглотнул. — Послушай убежище.

Валерия прислушалась. Снизу больше не доносилось молитв. Там царил ультразвук ужаса. Дети были, взрослые билась в истерике, захлебываясь слюной. Паника стала материальной. Она просачивалась сквозь вентиляционные шахты, клубилась под потолком подвала.

И этот черный дым страха втягивался в основание Левиафана снаружи, заставляя шестеренки вращаться быстрее.

— Наша сила блокирует физику, — крикнула Валерия, уклоняясь от летящего куска бетона. — Но мы кормим его эмоциями! Чем сильнее они боятся там, тем крепче эта дрянь здесь!

— Нужно разорвать цепь, — процедил Варлаам. Его лицо побелело от напряжения, веснушки выделялись на нем траурно. — Как?

— Вспомни что-то тихое, — выдохнула Валерия, чувствуя, как начинает кружиться голова от оттока энергии. — Что-то, что убивает страх.

Варлаам зажмурился. На долю секунды его огромное тело расслабилось.

Морг. Третий стол. Старый учитель литературы, умерший от инфаркта. Варлаам моет ему руки теплой водой с мылом,

аккуратно подстригает ногти, потому что «нехорошо лежать неряшливым». Никто не смотрит. Никому нет дела до рыжей громилы. Только благодарность во взгляде санитара.

Он открыл глаза. Серебро его знака стало ярче.

Валерия сделала то же самое.

Грузовая платформа. Мужской свитер сидит мешком. Начальник смены подходит, протягивает ей горячий чай в пластиковом стаканчике и говорит: «Виктор, ты сегодня норму выполнила на двести процентов. Молодец». Первое слово похвалы в её жизни, адресованное не внешности, а труду.

Золото полыхнуло жаром пустыни.

Свет изменился. Он перестал быть агрессивным лазером. Он стал мягким, теплым, золотисто-медовым сиянием, похожим на утреннее солнце в деревне. Купол расширился, накрывая не только их, но и ступени школы. Лучи света проникли сквозь щели вентиляции внутрь убежища.

Крики начали стихать. Сначала замолчал ребенок на руках у женщины. Потом всхлипывания перешли в редкие вздохи. Люди внизу почувствовали покой. Физически. Словно тяжелое одеяло укрыло их от сквозняка Апокалипсиса.

Левиафан издал вопль боли. Лишившись подпитки ужасом, его механизмы начали давать сбой. Шестеренки заклинило. Провода оплавилась.

— Работает! — воскликнула Валерия. — Дави светом!

Но существо успело адаптироваться. Центральная воронка на груди гиганта раскрылась, исторгая не звук, а чистую волну отчаяния. Психокинетический удар смел внешнюю оболочку щита.

Купол пошел трещинами.

— Не хватает чистоты! — прохрипел Варлаам. Кровь пошла носом. — Нашего света мало против такой массы горя!

Валерия посмотрела на свои руки, потом на Варлаама. На его разбитый нос, на вздувшиеся вены на шее.

— Нам нужно отдать больше, чем мы берем, — сказала она. — Милосердие помноженное на жертву. Старик говорил...

Она перехватила его руку, переплетая пальцы так тесно, что костяшки побелели. Прижалась лбом к его ключице.

— Исцеляй меня, — прошептала она. — А я исцелю тебя.

Это не было метафорой.

Колосья на шее Валерии вспыхнул, испуская импульс регенерации прямо в нервную систему Варлаама, гася боль от перенапряжения. Сломанный меч ответил симметрично — серебристая волна смыла усталость из мышц Валерии, восстанавливая гликоген и кислородный обмен.

Их знаки перестали быть двумя источниками. Они стали

контуром. Замкнутой системой, где энергия циркулировала бесконечно, нарастая с каждым оборотом.

Вместо двух фонарей вспыхнуло маленькое искусственное Солнце.

Оно не просто светило. Оно резонировало на частоте абсолютного здоровья и безопасности.

Биомеханический монстр попытался закрыться клешнями, но свет проходил сквозь материю. Ржавчина осыпалась красным песком. Органические ткани мумифицировались и крошились. Черные воронки глаз лопнули одна за другой, издавая звук лопающихся мыльных пузырей.

Гигант рухнул. Рассыпался. За ним последовала вся армия — эффект домино из праха.

Когда сияние погасло, улица оказалась покрыта слоем жирной черной пыли.

Валерия пошатнулась. Ноги подкосились. Варлаам успел подхватить её, забросив тяжелую, внезапно ставшую неподъемной руку себе на плечо.

— Перегруз, — виновато улыбнулся он. Губы были в крови. — Кажется, мы чуть не сожгли сами себя.

— Стоило того, — она попыталась усмехнуться, но получился оскал. — Ты видел их лица? Внизу. Когда свет спустился...

Они вошли обратно в подвал.

Картина изменилась кардинально. Керосиновая лампа горела ровно, пламя не дергалось. Люди лежали на матрасах. Спящие. Нормально дышащие. Женщина у стены качала ребенка, который мирно посапывал, хотя полчаса назад заходился в визге. Старик спал, откинув голову, и впервые за недели складки у его рта разгладились.

Старик-лектарь сидел на ящике. Он не спал. Он плакал. Тихо, беззвучно, глядя на них глазами прозелита, увидевшего чудо.

— Вы исцелили их души, — прошептал он. — Страх ушел. Я чувствую... запах хлеба. Хотя у нас уже неделю плесень.

Валерия опустилась на пол рядом с женщиной и ребенком. Протянула руку и осторожно коснулась лба малыша. Колосья отозвались легким покалыванием. Температура — тридцать шесть и шесть. Идеальная норма. Лихорадка, мучившая ребенка со вчерашнего дня, исчезла.

Она подняла глаза на Варлаама. Тот стоял посреди убежища, растерянно глядя на свои огромные ладони. Перед ним на скамье сидел мужчина с тяжелой формой астмы — он дышал глубоко, чисто, без единого присвиста. Дыхание смерти отступило из его легких.

— Я могу лечить, — прошептала Валерия, и в её голосе зазвенели слезы. Впервые за тридцать лет эти слова несли радость, а не стыд.

— А я... — Варлаам посмотрел на старика, который теперь мог разогнуть поясницу без крика. — Я забираю боль. Просто впитываю её в знак.

Старик подошел к ним, опираясь на трость, которая теперь казалась ненужным реквизитом. Он упал перед ними на колени прямо в грязную лужу на полу.

— Господь избрал вас не для битвы, — сказал он, его голос дрожал от благоговения. — Битва — лишь следствие. Он избрал вас Храмом. Колосья дают Жизнь. Меч дарует Покой. Вы — Ковчег.

Варлаам покраснел так сильно, что даже в тусклом свете лампы это было заметно. Он неуклюже поднял старика за локоть.

— Не надо этого, отец. Мы такие же грешники, как все. Просто... нам дали инструменты получше.

Валерия встала. Она подошла к Варлааму и взяла его за руку. Не боевым хватом, не для создания канала силы. Просто сжала пальцы.

— Инструменты бесполезны без мастера, — сказала она громко, чтобы слышали все в убежище. — Пока мы вместе,

пока мы верим друг другу больше, чем боимся тьмы — мы удержим небо.

Люди вокруг зашевелились. Кто-то крестился. Кто-то тянулся за флягой с водой, чтобы предложить им. Атмосфера паники сменилась атмосферой стройплощадки. Надеждой.

— Нам нужны дежурства, — вдруг деловито сказал Варлаам, отпуская руку Валерии, чтобы почесать затылок. — Укрепить северную стену, там кладка слабая. И распределить антибиотики. Валерия, твой медицинский талант нам пригодится.

— Мой талант таскать шкафы тоже, — усмехнулась она, расправляя плечи. Больше никогда в жизни она не будет пытаться казаться меньше.

Они работали до рассвета. Распределяли консервы, латали дыры, успокаивали детей. Иногда их руки случайно соприкасались в темноте коридора. Каждый раз знаки на их коже отвечали друг другу коротким, интимным импульсом тепла. Тайным рукопожатием влюбленных посреди конца времен.

Ночь цвета меди продолжалась снаружи. Стекланные звезды продолжали резать крыши домов.

Но внутри школьного подвала, среди запаха хлорки и надежды, родился новый закон физики: Любовь лечит лучше

аптечки, а вера двоих способна осветить целую бездну.

Глава 4. Метка Завета

Тьма над Москвой больше не была просто отсутствием света. Она стала субстанцией — густым, маслянистым желе, которое оседало на коже жирной пленкой отчаяния. Валерия стояла на краю просевшей крыши торгового центра, вцепившись пальцами в ржавую арматуру ограждения. Ветер пах озоном и жженым сахаром — приторной нотой разложения.

Небо цвета меди пошло темными прожилками, словно кожа больного гепатитом. Звезды осыпались вниз стеклянным снегом. Каждая снежинка резала щеки, если ветер дул в лицо, но Валерия давно перестала это замечать. Боль стала фоном.

— Они близко, — её голос прозвучал хрипло. Колос на предплечье под плотной тканью плаща пульсировал болезненным жаром, будто кто-то прижимал к коже раскаленную монету.

Варлаам молча встал рядом. Его силуэт перекрыл собой половину багрового горизонта. Даже сейчас, покрытый копотью и ссадинами, он умудрялся выглядеть монументально.

— Больше, — коротко бросил он, всматриваясь во мглу через бинокль с треснувшей линзой. — И они привели дру-

зей.

Звук приближался волнами: сначала низкочастотный гул, от которого крошился бетон под ногами, затем влажное чавканье биомассы и, наконец, самый страшный звук — ритмичный лязг металла. Не армейский шаг, а работа конвейера по разделке туш.

Они выползли из-за поворота Садового кольца.

Биомеханическая саранча эволюционировала. Теперь это были не просто искалеченные люди. Это были Франкенштейны Апокалипсиса. Органика ссохлась, обнажив хромированные суставы-шарниры. Сквозь лопнувшую кожу на груди одного из них виднелось вращающееся зубчатое колесо, перемалывающее что-то черное внутри. Вместо глаз — объективы камер, горящие красным светом фотоаппаратного затвора.

Но самым жутким было сопровождение.

Среди механизмов шли люди. Обычные горожане. Женщина в пуховике, который был ей велик. Подросток с рюкзаком «Спанч Боб». Мужчина в дорогом пальто, заляпанном грязью. Их глаза были мутными, бельмастыми. Движения — ломаными, как у мариеток с перетянутыми нитями. Они сжимали в руках ножи и куски арматуры, указывая своими пустыми взглядами на темные провалы окон зданий, где

прятались выжившие.

— Живой щит, — процедила Валерия. Желудок свело спазмом тошноты. — Используют надежду против нас же. Если мы ударим светом, зацепим своих.

— Психологическая война, — Варлаам сплюнул вязкую слюну. — Заставить нас сомневаться. «А вдруг их еще можно спасти?» Пока мы думаем, нас жрут.

Лидер группы вышел вперед. Он был собран из деталей тяжелой техники и человеческой плоти настолько искусно, что казался произведением искусства безумного скульптора. На его нагрудной пластине, прямо поверх сплетения проводов, горел выжженный символ — перевернутый треугольник с единственным вертикальным зрачком.

Он открыл рот, и динамики в его горле зашипели статичной:

— Вы думаете, вам ниспослан дар? — голос звучал одновременно сверху, со всех сторон и изнутри черепа. — Посмотрите на себя. Ты, каланча, всю жизнь пряталась в тени собственного роста. Ты, веснушчатый уродец, мечтал стать невидимкой. Вы — брак. Ошибка системы. Снимите маски праведников. Страх делает вас нашими лучшими слугами.

Слова ударили точно в цель. Валерию повело. Земля качнулась. Старый, въевшийся до костей ужас быть «слишком

большой» для этого мира ледяной иглой вошел между лопаток. Я снова монстр. Я пугало.

Она сжала кулаки так сильно, что мозоли, наработанные годами таскания мешков, лопнули. Теплая кровь смешалась с уличной гарью.

В этот момент огромная ладонь накрыла её руку. Варлаам не смотрел на неё. Он смотрел на демона внизу, но его хватка была якорем.

— Не слушай эту рухлядь, — тихо сказал он. Голос вибрировал от сдерживаемой ярости. — Он торгует твоими комплексами оптом. А наша цена — спасение вон тех идиотов на пятом этаже. Держись за меня, Лера. Плотно.

Её пальцы вплелись в его. Шершавая кожа, тепло, размер его ладони, полностью закрывающий её кисть — всё это было реальнее, чем визг шестеренок внизу. Реальнее конца света.

— Вместе, — выдохнула она.

Их знаки вспыхнули. Но в этот раз свет не вырвался наружу слепящей вспышкой. Золото колоса и серебро меча встретились в точке соприкосновения их рук. Энергия потекла по кругу. Замкнутый контур. Купол возник не вокруг них, а между ними, растягиваясь полупрозрачной мембраной в сторону убежища.

«Черти» замерли. Красные линзы-глазки бешено вращались, пытаясь вычислить новую переменную в уравнении.

— Недостаточно, — прошипел лидер-треугольник. — Ваша любовь слаба! Покормите нас своим страхом!

Он щелкнул клешней, отдавая приказ. Биомеханические солдаты двинулись вперед, толкая перед собой пленников с ножами у горла.

Валерия почувствовала, как купол прогибается внутрь. Давление чужой воли было физическим. Воздух стал тяжелым, как ртуть.

— Старик говорил... вера людей, — прохрипела она, чувствуя, как начинает идти носом кровь от перегрузки сосудов мозга. — Где эта вера? Они там писаются от ужаса!

— Тогда стань ею, — рявкнул Варлаам. Лицо его побелело, веснушки выделялись на нем траурно. — Вспомни морг. Вспомни тишину. Там нет страха. Только порядок. Стань этим порядком.

Валерия закрыла глаза. Она отпустила контроль. Перестала пытаться быть сильной девочкой или грозной воительницей. Она позволила силе течь сквозь неё, как вода сквозь трубу.

Колосья. Жатва. Принятие смерти старого ради жизни нового. Она приняла свой рост. Свою мощь. Она больше не су-

тулилась даже внутренне. Позвоночник выпрямился сам собой, хрустнув позвонками.

Варлаам сделал то же самое. Он перестал стесняться своих габаритов. Он позволил своей массе стать фундаментом.

Меч. Милосердие. Отказ от разрушения ради защиты. Он направил свою природную агрессию не вовне, а вглубь, превращая её в монолитную стену.

Свет изменился. Из золотисто-серебристого он стал ослепительно-белым, рентгеновским. Лучи пробili крышу убежища, вентиляционные шахты, перекрытия. Свет спустился в подвал, окутывая каждого человека мягким сиянием.

И паника начала отступать. Физически. Люди внизу перестали кричать. Мать, прижимавшая ребенка, разжала сведенные судорогой пальцы. Ребенок вздохнул и уснул. Старик-лектарь перестал дрожать. Страх сменился странным, звенящим спокойствием.

Купол снаружи взорвался звуком лопнувшего стекла.

Левиафан внизу взвыл. Без подпитки человеческим адреналином его механизмы начали конфликтовать с органикой. Шестеренки заклинило в гниющем мясе. Титановые скобы разорвали грудную клетку существа-лидера. Оно рухнуло, рассыпаясь в черный пепел. За ним посыпалась вся армия. Биомасса отделялась от механики, теряя сцепку.

Люди-зомби замерли. Мутная пелена упала с их глаз. Женщина в пуховике посмотрела на нож в своей руке, выронила его и беззвучно заплакала, оседая на асфальт.

Когда они спустились вниз, атмосфера изменилась. Исчез запах аммиака и пота. Пахло озоном после грозы и... свежим хлебом. Хотя печь никто не топил.

Старик сидел на ящике. Он плакал, глядя на свои руки — артрит больше не скручивал его узловатые пальцы.

— Вы исцелили воздух, — прошептал он, когда Валерия и Варлаам вошли внутрь. — Вы изгнали эхо криков.

Валерия сидела на полу, прислонившись к холодной стене, и пыталась унять тремор в ногах. К ней подошла молодая женщина, протягивая туго спеленатого младенца. Малыш был серым, горячим, дышал со свистом — крупозное воспаление легких, приговор в нынешних условиях.

— Говорят, ты можешь, — прошептала женщина. — Просто поддержи.

Валерия взяла комочек жизни на колени инстинктивно. Прижала к своему горячему боку. Колос на предплечье вспыхнул болью, переходящей в приятное тепло. Она провела свободной рукой по лбу ребенка, стирая испарину. Свист в легких прекратился. Кожа малыша порозовела. Температура падала на глазах.

— Господи... — выдохнула Валерия, сама едва не плача.
— Я забрала болезнь. Я положила её... куда-то внутрь себя.

Рядом тяжело дышал Варлаам. Он стоял над стариком-лектарем. Положил тому огромную ладонь на грудь, туда, где должно находиться сердце. Серебряный знак засветился, впитываясь под кожу. Старик глубоко, свободно вдохнул — впервые за годы без боли в межреберье.

— Моя сила берет боль себе, — глухо сказал Варлаам, пошатываясь. — Знак становится тяжелее с каждым исцеленным. Как свинцовый фартук у рентгенолога.

Старик посмотрел на них слезящимися глазами.

— Теперь вы понимаете? — спросил он. — Это не проклятие вашего тела, Валерия. Это алтарь вашей силы. Колося должен быть большим, чтобы вместить урожай душ. А ваша тяжесть, Варлаам, нужна, чтобы стоять нерушимо под ударами бездны. Метка Завета выбирает не святых. Она выбирает тех, чья форма соответствует функции.

Ночью убежище гудело, как растревоженный улей, но это был деловой гул созидания. Люди укрепляли стены, распределяли воду, смеялись. Смех в Апокалипсисе звучит страшнее криков, но сегодня он был лекарством.

Валерия и Варлаам сидели в самом дальнем углу, вдвоем.

Между ними уместилось бы три обычных человека, но им двоим хватало места еле-еле. Сидели плечом к плечу, бедра плотно прижаты друг к другу — передача тепла в промерзшем бетоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.